

УДК 13+355.01

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ
МОТИВАЦИИ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Халапсис А.В.

Халапсис Алексей Владиславович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Национальной металлургической академии Украины.

В статье рассмотрен вопрос о влиянии геополитических и цивилизационных факторов на возникновение и ход военных конфликтов.

Ключевые слова: война, геополитика, цивилизация, онтологический проект.

Halapsis A.V. Geopolitical and Civilizational Motivations of Military Conflicts.

The article deals with the impact of geopolitical and civilizational factors on the occurrence and course of military conflicts.

Keywords: war, geopolitics, civilization, the ontological project.

Халапсис О.В. Геополітичні та цивілізаційні мотивації військових конфліктів.

У статті розглянуто питання про вплив геополітичних і цивілізаційних факторів на виникнення та перебіг воєнних конфліктів.

Ключові слова: війна, геополітика, цивілізація, онтологічний проект.

Какие мотивы являются доминирующими в постановке целей войны? Ранее я уже рассмотрел вопрос о сугубо экономической подоплеке военных конфликтов и пришел к выводу, что в общем и целом война (если она не является колониальной) – это, так сказать, бизнес с отрицательной рентабельностью. Тем не менее, несмотря на убыточность (за редкими исключениями) «традиционных» (неколониальных) войн для всех участников, они были постоянным спутником истории человечества. Возможно, я слишком узко поставил вопрос, и речь должна идти не об оценке чистой экономической эффективности войны, а о совокупности не только экономических, но и (а может быть – прежде всего) геополитических факторов?

Целью статьи является установление роли, которую играют геополитические и цивилизационные факторы в возникновении военных конфликтов.

Слово «геополитика» употребляется в разных значениях. Для меня *геополитика* – это совокупность действий по территориальному распространению коллективной воли соответствующей общности. Через волю же происходит усиление (ослабление) влияния метафизического (онтологического) *проекта* цивилизации, либо *трактовки* этого проекта.

Расставляя акценты таким образом, я понимаю, что во многих случаях (может даже в подавляющем их большинстве) участники исторического действия, решая геополитические задачи, могут вовсе и не задумываться о метафизических проектах или их трактовках. Однако это мало что меняет. Когда мы пытаемся захватить иные территории, то фактически речь идет о распространении своей воли. Порой завоеванные территории приносят лишь дополнительные хлопоты, но мне неизвестны случаи, когда государство добровольно бы отказалось от своих владений. Для простого обывателя вряд ли будет большая практическая польза от расширения его государства, и он не ощутит существенного ущерба от сокращения его территории. Однако увеличение той воли, к которой он сам сопричастен, или ее ослабление, его наверняка не оставит равнодушным. Многие россияне имеют весьма смутное представление о четырех спорных с Японией островах, не каждый житель Туманного Альбиона найдет на карте Фолькланды, и еще меньше тех, кто сможет внятно объяснить их ценность для Соединенного Королевства. Но и для тех, и для других сама мысль о возможном отказе от этих владений является неприемлемой.

Впрочем, воля сама по себе есть абстракция, ибо не может быть «воли вообще». Она должна быть чем-то *оформлена* и на что-то *направлена*. Воля к жизни оформлена жизнью, воля к власти оформлена властью. Но то, что оформляет волю, само, в свою очередь, проис-

текает от воли, придающей всякой сущности ее жизненность как *право на бытийствование*. Если же говорить о воле применительно не к индивидуальности отдельного «Я», а о совокупной воле человеческих коллективов, то она оформлена неким явно, а зачастую – неявно выраженным *проектом мироустройства*, который мною был ранее назван *метафизическим проектом организации бытия (онтологическим проектом)* [1]. Соответственно, навязывание одними обществами своей воли другим уместно рассматривать как намерение распространить влияние соответствующего проекта (если речь идет о межцивилизационном взаимодействии), или своей трактовки этого проекта (если речь идет о внутрицивилизационных контактах (и конфликтах)). Например, крестовые походы – это территориальное распространение христианского проекта мироустройства, а войны между католиками и протестантами в XVI-XVII веках – это борьба за аутентичную трактовку христианства. Войны с иноцивилизационными народами – это борьба за «наш мир», войны внутри цивилизации – борьба за «наше видение» этого мира.

Уже из такой постановки проблемы видно, что распространение проекта может происходить в «родных» *данному духу* условиях (эндоцивилизационное распространение), или в условиях чуждых (экзоцивилизационное). Также понятно, что распространение может происходить как в мирной, так и в военной форме. Ключевой в моей трактовке геополитики является идея подчинения различных территорий (*geo-*) своей воле и видению мира (*политика*); естественно, что комплекс мер по противодействию чуждому влиянию также оказывается геополитикой.

В этом смысле война является одним из инструментов, посредством которого реализуется силовой сценарий навязывания метафизической воли одних социумов – другим. Тогда экономическое измерение военных конфликтов перестает быть самодостаточным, входя в подчинение более фундаментальным геополитическим мотивациям. Иными словами, война может сама по себе быть экономически убыточной, но те геополитические цели, которые посредством нее пытаются решить участники, рассматриваются ими как настолько значимые, что оправдывают соответствующие как материальные, так и человеческие затраты. В свою очередь, полученные геополитические преимущества уже потом могут использоваться для достижения экономических целей. Стало быть, поскольку геополитические достижения – это «высоколиквидный товар», то в данном контексте геополитика и экономика выступают в одной связке, поэтому говоря о «геополитических целях» следует иметь в виду, что в большинстве случаев (хотя не во всех) они подразумевают и экономическую составляющую.

Однако геополитические цели войны зачастую формулируются для «внутреннего использования», открыто озвучиваются, как правило, иные версии, что дает основание к разделению «причины» и «повода». Соответственно, высокие принципы, которые участники выдвигают в качестве *официальных* целей военной кампании, почти всеми (по крайней мере, в *наше время*, располагающее к *тотальной рационализации* всего и вся) *воспринимаются* как идеологическая мишура, ибо кто же, дескать, станет вести войну «ради идеи»?

Если это мнение справедливо, то возможный конфликт между геополитическими и идеологическими мотивами с необходимостью должен разрешаться в пользу геополитических. Но как это можно проверить? Выше отмечено, что поставленные участниками войны цели могут явно не формулироваться, а те, которые задекларированы, часто бывают далеко не главными. К тому же, достаточно проблематично выявить приоритетность мотивов, особенно в тех войнах, в которых переплетаются различные факторы. Подобная неопределенность дает теоретику основание утверждать, что те из них, которые он рассматривает в качестве фундаментальных, в действительности и выступали главной причиной военных конфликтов, а все остальные так или иначе их дополняли или служили им прикрытием. Проблема в том, что другой теоретик может выбрать иной фактор и с тем же самым основанием утверждать, что именно его выбор является правильным, а выбор его коллеги – ошибочным. Причем, под каждую из противоположных гипотез можно подвести соответствующий теоретический и эмпирический фундамент и будет очень непросто решить, какой из них «более основательный».

Например, одно государство начинает войну против другого, причем для руководителей государства-инициатора эта война желанна и с геополитических, и с идеологических соображений. Историк, исследующий соответствующий военный конфликт, может прийти к заключению, что он был вызван геополитическими причинами, а идеология была лишь обоснованием, необходимым для внутренней и / или внешней легитимации. Другой историк скажет, что геополитические задачи сами вытекают из идеологических концепций. Третий сочтет, что геополитические и идеологические интересы просто совпали, но решение о начале войны принималось под влиянием комплекса факторов. То есть, если геополитические и идеологические интересы инициатора военного конфликта дополняют друг друга, то историку очень непросто будет выявить доминирующую его мотивацию, и скорей всего, подобного рода проблема будет разрешена в соответствии с мировоззренческими и методологическими установками самого исследователя.

Впрочем, самые интересные и показательные случаи – это когда геополитические и идеологические интересы противоречат друг другу, и результатом войны становится реализация одних интересов участника конфликта за счет других – его же – интересов. Какие мотивы для него в таком случае окажутся приоритетными? Именно в ситуации *внутреннего аксиологического конфликта* проявляются преобладающие ценности, а потому анализ таких событий позволяет исследователю понять как ключевые установки самих фигурантов исторического действия, так и мировоззренческие императивы эпохи.

Однако даже такая постановка вопроса еще не дает гарантию от произвола интерпретаций, ведь, например, политик, начиная войну, может руководствоваться сугубо личными интересами, ничего общего не имеющими с интересами возглавляемого им государства. Действительно, в истории бывало всякое, и роль случайности, субъективных намерений и ошибочных расчетов («хотели как лучше, а вышло – как всегда») отрицать невозможно. В конце концов, утверждение, что главная причина войн кроется в экономических или геополитических противоречиях, не подразумевает, что всегда и везде войны велись *только* из-за них.

Придать объективность подобного рода исследованию поможет осмысление результатов войны, вернее, не столько самих результатов, сколько их оценки со стороны современников и, особенно, потомков. Если война, которую вел правитель *по своей воле* закончилась для его государства позитивно в экономическом, геополитическом и идеологическом аспектах – тут все ясно, негативно – также все понятно, а вот если позитивно в одном аспекте, и негативно – в другом, то как оценят его политику соотечественники (враги почти наверняка оценят необъективно) и их *потомки* (временной интервал позволяет не только увидеть результаты действий, но и дистанцироваться от аффектов, связанных с вовлеченностью в их (действий) событийный поток), особенно, когда позитив и негатив достаточно очевидны, то есть, грандиозный успех в одном начинании стоил катастрофы в другом? Думаю, здесь и выявятся императивы, определяющие *в общественном сознании* эффективность социальных действий, в данном случае – какие результаты войны могут считаться приемлемыми, а какие – нет. Именно когда присутствует внутренний аксиологический конфликт, не только сам правитель, но и те, кто (как по «горячим следам», так и постфактум) оценивают его деятельность, явно или неявно определяют приоритетность ценностей, иными словами, решают вопрос: «ради чего сто́ит воевать?».

Выше я употребил оборот «по своей воле», характеризуя действия правителя воюющего государства. Подобные обороты применяются в основном применительно к инициаторам некоего процесса (здесь «воля» фактически выступает синонимом «желания»). Я слово «воля» использую в более широком смысле, вводя в контекст проблемы *субъекта*.

Кого следует считать субъектом войны? Вопрос на первый взгляд кажется странным. Но присутствующая в данном случае двусмысленность обозначения «субъекта» (в юридическом смысле – как носителя права и в философском – как носителя действия) сбивает с толку, ибо в зависимости от аспекта рассмотрения «субъектом войны» можно назвать *каждого* (даже формального) ее участника, а можно лишь того, кто проявляет *волевую активность*.

Под волевой активностью имеется в виду вот что. Кто-то войну начинает, а кто-то вынужден принимать в ней участие, то есть, для одного война – это реализация *его* воли, для другого – ответ на *чужую* волю. В таком случае агрессор выступает как *субъект* в силу того, что он своим действием нарушает *status quo* и пытается *осуществить* волю, а жертва оказывается *объектом* (агрессии), поскольку она вынуждена на нее (волю) *реагировать*. Здесь *агрессия* служит критерием *действия* в том смысле, что она оказывается исходным толчком к переводу системы (системы международных отношений соответствующего характеру войны масштаба) в режим *спровоцированной неустойчивости*.

Деление на агрессора и жертву, впрочем, характеризует лишь самые простые и очевидные ситуации. Порой (и довольно часто) войны начинаются с неявно выраженного «обобщенного согласия», когда руководители конкурирующих держав приходят к выводу, что силовой сценарий есть единственное средство разрешения противоречий. Когда противоборствующие стороны занимаются поисками предлога для начала конфликта, уже не столь принципиально, кто выступает «агрессором», а кто – «жертвой», соответственно, эти слова *для таких ситуаций* теряют смысл, равно как перестает быть действительным разделение на субъекта агрессии и ее объекта (постфактум победитель может просто «назначить» агрессора, как державы Антанты всю вину за развязывание Первой мировой возложили на одного Вильгельма II и его генералов; было бы удивительно, если бы они признали виновниками себя). Кроме того, такие обозначения как «агрессор» и «жертва» не всегда адекватны, ибо неявно предполагают неравенство сил и *виновность* в войне исключительно одной стороны. Такое случается, но нечасто. Поэтому в общем виде более уместно ставить вопрос об *инициаторе* (*инициаторах*) войны.

Хотя и здесь не все однозначно. Инициатором не всегда является тот, кто войну начинает. Бывает, что подлинный инициатор поставит своего противника в ситуацию, когда тот вынужден объявлять войну, хотя бы и вопреки своему желанию. Именно поэтому я бы не стал придерживаться старого деления войн на «справедливые» и «несправедливые», ибо таковая оценка как минимум в 90% случаев дается на основании личных симпатий и антипатий, а также *местоположения* «судьи» (культурно-исторический топос которого служит «отправной точкой»). И даже в оставшихся 10%, когда вроде бы всем все ясно, оказывается проблематично четко указать критерий «справедливости», который был бы абсолютным и не допускал исключений.

Как видим, даже такой, казалось бы, простой вопрос о субъектах войны может давать повод к недоразумениям и разным трактовкам. В любом случае понятие субъекта не может относиться только к *началу* войны; очевидно, его деятельность проявляется на протяжении всего ее *хода*, причем характер этой деятельности может меняться. Для философии важно определение не меры ответственности, а сущностного характера самого действия, поэтому проблему субъекта как носителя действия следует перевести в иную плоскость.

Речь должна вестись о совокупности интересов, которыми руководствуются участники войны и степени их *свободы* при принятии решений. Очень часто противоречия между странами, взаимные обвинения, претензии, подозрительность и т.д. настолько сильно переплетены, что выяснить, кто же действительно начал войну, очень сложно. А вот выяснить, кто и почему единожды начатую войну *продолжает*, бывает весьма важно для уяснения ее характера и мотивов, определяющих поступки основных фигурантов.

Дело в том, что войну гораздо легче начать, чем прекратить. Для начала войны достаточно одной воли, даже воли правителя слабого государства, а для ее прекращения – соглашения по меньшей мере двух. Поэтому при анализе конкретного военного конфликта следует устанавливать степени свободы (свободу маневра) участников на всем его *протяжении*, а также то, и как они ею распоряжаются. Тогда «причины войны» перестанут в нашем сознании связываться (если и не исключительно, то преимущественно) с ее началом и инициаторами, а будут рассмотрены в динамике, что позволит выяснить изменение мотивов, которые, однажды вызвав войну, продолжают оказывать влияние на ее ход. Некоторые из них при неблагоприятном развитии событий перестают быть актуальными, ими приходится пожертво-

вать, другие продолжают действовать при любом раскладе. Очевидно, что последние более фундаментальны, и их выявление не менее, а может, и более важно, чем определение собственно виновников, инициаторов и организаторов той или иной конкретной войны.

Бывают ситуации, когда ход войны, выгоден он нам, или нет, воспринимается как *приемлемый*. То есть, мы можем прекратить войну без катастрофических для себя последствий, но не стремимся это делать. Возможно, ход войны нас устраивает, но мы считаем, что ее цели еще не достигнуты. Ход войны может нас не устраивать, но мы рассчитываем на перелом в нашу пользу. Либо же мы ищем повод для прекращения войны, которая завела в патовую ситуацию, и лишь озабочены проблемой «сохранения лица». В любом случае, правители, которые могут прекратить войну без катастрофических последствий для своей страны, обладают *значительной* свободой действия.

Вторая ситуация. Война перестает быть для нас приемлемой, но желанный мир возможен лишь на катастрофических условиях – полная капитуляция, потеря независимости, расчленение нашего государства, масштабные аннексии и колоссальные контрибуции. Понятно, что мы вынуждены бороться до последней возможности если и не изменить ход войны, то хотя бы смягчить условия мира. На «мир любой ценой» мы можем пойти лишь от безысходности и отчаяния. Стало быть, правительство страны, оказавшееся в такой ситуации, имеет самую *минимальную* степень свободы.

Третья ситуация. Ход войны нас полностью удовлетворил, мы добились поставленных целей и готовы к выходу из войны. Однако те условия, которые мы готовы предложить противнику, им самим воспринимаются как неприемлемые (катастрофические или просто невыгодные). В таком случае наша задача – подавить у противника волю к сопротивлению и заставить его подчиниться нашей воле. Правительство этой страны имеет *максимальную* степень свободы.

Эти ситуации, конечно, очерчены схематично, в жизни их может быть больше, они могут меняться (еще недавно ход войны нас устраивал, а сейчас уже не устраивает), среди руководителей государства-участника могут быть разногласия по поводу оценок приемлемости войны, ее целей, условий мира и т.д. Я не ставил перед собой цель рассмотреть *все* возможные варианты. Для меня было важно выделить в самом общем виде формы активности и степени свободы участников военных конфликтов. Хотя во всех трех случаях правительства могут прекратить войну, степень свободы их действий, как видим, сильно отличается.

Поэтому в соответствии с приведенной выше разметкой проблемной области *субъектом войны* я назову государство, чье правительство (правитель) обладает возможностями, достаточными не только для ведения войны, но и для ее прекращения без катастрофических последствий; государство, чье правительство может заключить мир лишь на катастрофических для себя условиях, выступает *объектом войны*.

Такое разделение я ввожу не для определения меры ответственности (как уже было сказано, это не входит в число философских задач), а для характеристики степени свободы. Последняя величина является переменной, и даже инициатор войны может при неблагоприятных для него обстоятельствах превратиться в ее объект. Меня сейчас интересует не юридическая и не моральная сторона вопроса, а мотивационная составляющая поведения участников. Поскольку реализация ценностей возможна лишь посредством воли, необходимо, чтобы эта последняя была свободной. Вот какой смысл я вкладываю в разделение участников военных конфликтов на субъектов войны и ее объектов. Анализ конкретных исторических ситуаций в таком ключе позволяет не только под новым углом зрения взглянуть на известные факты, но и получить представление о ценностных приоритетах, актуальных для участников войны.

В подавляющем большинстве случаев геополитические цели войны имеют преимущество перед всеми прочими – экономическими, идеологическими, личностными и т.д. Но есть такие ситуации, в которых геополитика отходит на второй план. Если в центре внимания оказываются идеи цивилизационного характера, они получают приоритет перед всеми прочими расчетами, в том числе, перед геополитической и экономической целесообразностью.

Это не значит, конечно, что союзники и противники в войнах выбираются по цивилизационным признакам. Это означает, что в случае нарушения цивилизационных императивов, задаваемых кодами соответствующей культурно-исторической матрицы, экономические расчеты перестают приниматься в расчет, подчиняясь более высоким идеям и ультимативным требованиям духа.

В каждой стране, входящую в цивилизационную общность (а не следует забывать, что это «членство», как правило, носит неформальный характер), имеются свои собственные формы политического устройства, идеология, традиции и т.д. Они в целом следуют общим цивилизационным паттернам именно потому, что дух, выдвигающий соответствующий онтологический проект и конструирующий культурно-историческую матрицу, является общим основанием для всякой исторической деятельности вообще. Формы, вступающие в противоречие с онтологическим проектом, появившиеся внутри цивилизационной общности, рассматриваются носителями последней как преступление против духа, как некое подобие раковой опухоли, с которой следует покончить, либо она поглотит весь организм.

Большинство военных конфликтов не имеют к цивилизационному становлению прямого отношения, лишь по форме имея цивилизационную природу. Однако есть класс войн, в которых геополитика приносится в жертву неким высшим идеям. Но почему в одних случаях идея служит геополитике, а в некоторых случаях – наоборот? Что это за идеи, превосходящие своей значимостью, казалось бы, такой фундаментальный для исторического действия геополитический уровень?

Понятно, что это далеко не каждая идея. Также понятно, что личные мировоззренческие предпочтения людей, *принимающих решения*, не оказывают существенного влияния на историческую *оценку* их действий, ибо в «сухом остатке» фиксируются лишь те *результаты* (положительные и отрицательные), которые, по мнению потомков, имеют высший приоритет.

Стало быть, идея идее рознь. Большинство идей представляют ценность лишь для их авторов и небольшого круга последователей и единомышленников. Есть идеи, которые важны для общества как модели, определяющие ориентиры его дальнейшего развития. А есть фундаментальные идеи, без которых общество существовать не может, поскольку они определяют его самость. Именно последние идеи имеет смысл назвать цивилизационными.

Под цивилизационной я понимаю идею, которая определяет специфику локальной цивилизации (как формы человеческого бытия) и составляет основу онтологического проекта данной цивилизации, входя как системообразующий элемент в ее культурно-историческую матрицу. Отказ от *таких* идей влечет за собой если и не полную деструкцию локальной цивилизации, то, по крайней мере, существенный пересмотр ее кода. Таким образом, есть идеи цивилизационного порядка (входящие в содержательное ядро онтологического проекта цивилизации либо вступающие с ним в конфликт в качестве альтернативного проекта), а есть – «все прочее». Лишь цивилизационные идеи важны настолько, что их значимость превосходит геополитические интересы. Чем это вызвано?

Геополитику я определил через волю. Воля – это самое важное, что есть у человека и общества. Единственное что важнее воли – это собственно *жизнь*. Войны, в которых «на кону» стоят *такие* идеи, можно назвать «войнами за цивилизацию», вернее, за ее аутентичное представление. В них проявлена сила, которую можно условно (понимая относительность и ограниченность аналогий) обозначить как «цивилизационный инстинкт самосохранения». То есть, цивилизация имеет механизмы защиты своих системообразующих идей, поскольку это является ключевым показателем ее (цивилизации) жизнеспособности. Война оказывается одним из таких механизмов. Чуждые нормы могут считаться допустимыми, если они не угрожают нашим собственным, но становятся крайне опасными, если возникает угроза того, что они подчинят себе «нашу» культуру, сменят «наше» мировоззрение.

В качестве **вывода** отмечу следующее. Во-первых, экономическая мотивация войн присутствует далеко не всегда, во-вторых, экономические мотивы часто отступают перед геополитическими, и в третьих, что весьма показательно, и экономические, и геополитиче-

ские расчеты могут, хоть и редко, приноситься в жертву общим метафизическим (цивилизационным) идеям, не связанным с конкретными выгодами или интересами, но на более высоком уровне устанавливающими смысл политической деятельности как таковой. Причем те социальные формы, которые противоречат идеалам, принятым в данном обществе (цивилизации) как аксиологические императивы, рассматриваются как нелегитимные, подпадая под санкции, осуществление которых может рассматриваться как ультимативное требование духа.

Литература

1. Халапсис А.В. Постнеклассическая метафизика истории: Монография / А.В. Халапсис. – Днепропетровск: Инновация, 2008. – 278 с.